

УДК 1(091)

НАСЛЕДИЕ И. КАНТА И АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСТОРИИ Г. РИККЕРТА¹

А.А. Аванесян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.3.286

Статья посвящена исследованию развиваемой Г. Риккертом концепции соотношения с ценностью как основы исторического познания. Подробно прослеживаются связующие нити, объединяющие кантовскую теорию рефлектирующей способности суждения и риккертовский исторический метод образования понятий, формулированием которого утверждается возможность научного постижения сингулярных фактов, не подверженных обобщению. Исследование процедуры соотношения с ценностями, постулируемой в качестве критерия отбора исторически релевантного материала, позволяет прояснить коренящиеся в неокантовской философии истоки формирования категории исторического опыта как воплощения особого типа понимания, направленного на постижение единичных и неповторимых культурных явлений.

Ключевые слова: *исторический опыт, рефлектирующее суждение, неокантовство, ценности, соотношение с ценностями.*

В рамках философии Баденской школы неокантовства формируется теория исторического познания, которая закладывает фундамент для дальнейшего развития категории исторического опыта. Предлагая методологический критерий классификации эмпирических наук, В. Виндельбанд, равно как и Г. Риккерт, не выделяет предметного различия между естествознанием и историей. Все эмпирические науки, в числе которых баденцы видят и историю, призваны исследовать единую действительность. Сама действительность рассматривается как непрерывный, многообразный континуум единичных, сущностно индивидуальных и неповторимых явлений. Причем, характеризуя многообразие мироздания, Г. Риккерт выделяет два типа – экстенсивную и интенсивную бесконечность вещей, понимая под первой внутреннюю неповторимость каждого единичного объекта, а под второй – беспредельную величину мира как целостности [17, с. 35–36]. И в первом, и во втором случае бесконечность действительности не позволяет познавать ее в первоначальном, неупрощенном виде. Представленное таким образом мироздание воздействует на человека непрерывным недифференцированным и при этом разнородным потоком чувственного восприятия. Для

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого», № 20-011-00406.

понимания явлений действительности субъект должен при помощи когнитивного аппарата сознания преобразовать воспринимаемый материал, неизбежно упрощая данные, получаемые органами чувств. Преобразование чувственного материала возможно в двух направлениях: либо формирование однородной непрерывности с целью выделения и обобщения характеристик, одинаковых для некоторого порядка явлений, либо формирование неоднородной прерывности с целью конкретизации и по возможности максимально точного описания сингулярных фактов [8, с. 62–63]. В первом случае применяется генерализирующий способ образования понятий естественных наук, в своем предельном проявлении принимающий вид максимально абстрактных законов природы. Во втором случае применяется индивидуализирующий исторический способ образования понятий, стремящийся к максимально возможному приближению к опыту чувственного восприятия. Естественнонаучное понятие для решения своих познавательных задач неизбежно, даже целенаправленно, уничтожает индивидуальность и непосредственность создаваемых объектов [17, с. 238–239], и, соответственно, чем меньше в исследуемых объектах остается индивидуального и непосредственного, тем выше становится эпистемологическая ценность полученного понятия. В то же время историческое понятие, уничтожая также неизбежно, хотя и не целенаправленно, непосредственность восприятия, пытается в максимальной степени сохранить индивидуальность предмета познания. В этом смысле исторический метод в своем научном применении позволяет ближе подойти к действительности, что формирует основу особого типа исторического опыта, получающего выражение в восприятии и осмыслении единичных и уникальных в своей сущности, локализованных в конкретных пространственных и временных границах культурных процессов. Для выявления специфики данного видения исторического опыта прежде всего необходимо ответить на вопрос, каким образом возможно понятийное схватывание единичного, уникального и неповторимого в своем роде явления, т. е. как, согласно философии Баденской школы, функционирует историческое понятие, индивидуализируя исследуемый предмет. Поскольку в своем понимании сущности научных понятий представители юго-западной школы генетически восходят к кантианской трансцендентальной теории суждений, для достижения поставленной цели важно рассмотреть философскую стратегию определения суждений И. Канта и проследить основные связующие линии между ней и баденской моделью реализуемого в понятиях научного познания.

Кантианская теория суждений

Согласно выстроенной И. Кантом эпистемологической доктрине познавательные функции человека распределены между рассудком и разумом. Рассудок осуществляет эмпирическое познание, реализуя, в

терминологии кенигсбергского философа, теоретическое законодательство посредством понятий природы, в то время как разум действует в практической сфере, законодательствуя через понятие свободы. Только воплощая свободу воли, разум становится истинно законодательствующим, в сфере эмпирического познания, он на основе известных ему законов через посредство рассудка путём умозаключений приходит к определенным выводам о свойствах окружающего мира. Рассудок и разум, таким образом, на одной и той же основе опыта осуществляют принципиально разные формы законодательства, не мешая и не противореча при этом друг другу [6, с. 86]. Преодоление противоречия между природой и свободой и объединение теоретической и практической составляющих в единую систему философии с точки зрения И. Канта, оказывается возможным благодаря способности суждения [7, с. 277]. Функция вынесения суждения в семействе высших познавательных способностей выступает в качестве связующего среднего звена между функциями разума и рассудка [6, с. 92]. Именно суждение, как способность мыслить взаимосвязь между всеобщим и единичным, конституирует познание, облекая в понятийную форму доступную о тех или иных предметах информацию. Выделяются два типа суждений: если общее уже известно, то способность суждения призвана подвести под него частное, так работает определяющая способность суждения, в случае же, когда дано только особенное, для которого нужно найти всеобщее, применяется рефлектирующая способность суждения [6, с. 98]. Чтобы объяснить различие между ними, Ж. Делез приводит пример из медицины – когда врач по симптомам (проявления конкретной болезни) ставит диагноз (общее понятие), требуется рефлектирующая способность суждения, но если на основе уже известного диагноза нужно назначить подходящее именно этому пациенту лечение, то действует определяющая способность суждения [5, с. 208]. Как справедливо отмечает В.Ф. Асмус, третья критика, целью которой является установление априорного основания самой возможности способности суждения, фактически не уделяет никакого внимания определяющим суждениям [1, с. 411], сосредотачиваясь исключительно на рефлектирующих суждениях. Дело в том, что в случае определяющего суждения общий принцип применения обнаруживается за пределами самой способности суждения, в связи с чем осуществляется строгое закономерное подведение единичного под заранее известное общее понятие. Рефлектирующее суждение, в противоположность, применяется, если общее понятие неизвестно либо его установление проблематично, а значит, способность суждения не может опереться на внешний принцип действия. Априорное условие возможности применения рефлектирующего суждения, которое проявляет себя в форме рефлексии о предметах, должно быть найдено в самой способности суждения. И. Кант особо подчеркивает, что определяющая способность суждения не является автономной – но-

мотетической сама по себе, не имея собственных принципов основания понятий об объектах, но именно поэтому она не может быть внутренне противоречивой [6, с. 588]. В этом отношении искомое априорное основание способности суждения может быть найдено исключительно при анализе рефлектирующего суждения.

Такого рода трансцендентальное основание для применения рефлектирующей способности суждения возводится к идее формальной целесообразности. Рассматривая применение рефлектирующего суждения к природным явлениям, И. Кант формулирует этот принцип следующим образом: «...так как всеобщие законы природы имеют свою основу в нашем рассудке, который предписывает их природе (хотя лишь согласно всеобщему понятию о ней как природе), то особенные эмпирические законы в отношении того, что в них остается неопределенным со стороны указанных всеобщих законов, должно рассматривать в таком единстве, как если бы их также дал рассудок (хотя и не наш) для наших способностей познания, чтобы сделать возможной систему опыта согласно особенным законам» [6, с. 100]. Этот принцип «как если бы» (als ob) оказывается мощным инструментом рефлексии по аналогии, позволяющим опосредованное символическое постижение предметов познания [5, с. 203], что выводит это постижение посредством способности суждения к тому, что уже не является ни природой, ни свободой – к сверхчувственному [1, с. 444]. При этом для работы такого рода познавательной процедуры совсем нет необходимости в том, чтобы подобный рассудок действительно существовал в реальности, поскольку этот принцип предписывается не природным явлениям, а способностью суждения самой себе. В этом отношении природа рассматривается, как если бы она была устроена разумным образом, целесообразно, т. е. если бы некий рассудок содержал в себе основание единства многообразия ее эмпирических законов [6, с. 102]. Такой взгляд соотносится с основополагающей мыслью о том, что априорное, т. е. общезначимое и необходимое, знание возможно только для тех предметов, которые являются продуктами деятельности когнитивного аппарата сознания [3, с. 95]. Именно поэтому рефлектирующее суждение в данном случае реализует принцип «как если бы», так как эмпирически невозможно доказать основополагающую разумность или универсальную законосообразность устройства мироздания. Целесообразность природы выступает в качестве априорной идеи, проистекающей из рефлектирующей способности суждения и одновременно необходимой для ее работы. Изучая природные явления, которые не описываются известными естественными законами, равно как и феномены, которые противоречат этим законам, исследователь подходит к ним, предполагая существование иных закономерностей, пусть даже еще не установленных, объясняющих рассматриваемые явления. Этот подход И. Кант именуется принципом целесообразности, полагая его в основу объединения отдельных эмпириче-

ски установленных знаний в целостное единство опыта. Если выявлены определенные закономерности организации естественных процессов, то для сохранения единообразия научной картины мира необходимо предполагать, что явления, не объяснимые уже известными законами, протекают столь же закономерно. Такое трансцендентальное понятие целесообразности природы относится к субъективным принципам способности суждения, поскольку оно ничего не предписывает природе (и в этом смысле не является ни понятием природы, ни понятием свободы), но выражает единственный способ, который возможно применять для рефлексии о предметах природы [6, с. 110]. Рефлектирующая способность суждения применяется, если явление природы необъяснимо всеобщими естественными законами. Это не означает, что данное явление не подчиняется таким законам, возможно, что их просто недостаточно для объяснения всех его особенностей. Но даже о таких явлениях, для понимания которых требуется учитывать не только естественные законы, но и эмпирически фиксируемые частные обстоятельства, рефлектировать следует по принципу механизма природы, как если бы они подчинялись законам, в противном случае действительное познание природы было бы невозможно [6, с. 594].

В своем применении к естественным явлениям рефлектирующее суждение функционирует телеологически, предполагая возможные априорные основания кажущейся целесообразности там, где эти основания не даны с необходимостью. Несколько иным образом рефлектирующая способность суждения работает в эстетической сфере, реализуясь в суждении вкуса. Эстетическое восприятие проявляется в случае, когда значение имеет только форма воспринимаемого объекта, без соотношения с его возможным утилитарным применением или познавательным значением. Если одно лишь созерцание предмета вызывает удовольствие, это удовольствие, по мнению И. Канта, коренится в его соответствии способностям познания, проявляемым в рефлектирующей способности суждения, которая не может действовать, не соотнося воспринимаемое с понятиями [6, с. 124]. Основанием удовольствия, таким образом, оказываются не свойства предмета, а способности субъекта. Исходя из чего, можно говорить об обязательности такого суждения, а значит, и о его общезначимости, поскольку познавательные способности а priori принадлежат каждому субъекту. Представление об объекте в данном случае согласуется не с пониманием или ощущением предмета, но единственно с закономерностью в эмпирическом употреблении способности суждения [6, с. 124–126]. Эстетическое суждение, таким образом, выражает субъективную (поскольку основывается на чувствах субъекта) формальную (поскольку не связывается с сущностью объекта) целесообразность объекта, который в результате оценивается как прекрасный. Принципиально важно в этой связи подчеркнуть, что суждение вкуса не является логическим суждением и не может выражать зна-

ние о предмете. Эстетическое суждение определяется субъективным чувством удовольствия или неудовольствия, которое возникает от одного только созерцания предмета, т. е. незаинтересованным благорасположением субъекта по отношению к воспринимаемому объекту. Если благорасположение возникает вследствие заинтересованности в предмете по причине его полезности или особой важности, то это чувство уже не может быть классифицировано как чисто эстетическое, поскольку оно напрямую связано с качествами предмета, а значит, логически выводимо: «...чтобы определить, прекрасно ли нечто или нет, мы соотносим представление не с объектом посредством рассудка ради познания, а с субъектом и его чувством удовольствия или неудовольствия посредством воображения (быть может, в связи с рассудком)» [6, с. 150].

Чувство прекрасного определяется беспристрастным свободным благорасположением к предмету, которое не зависит от его свойств, предназначения или принадлежности. При этом человек, находя нечто прекрасным, может требовать от других людей согласия с этим суждением. В силу того, что данное чувство не основано на пристрастии или каких-то внешних обстоятельствах, человек, вынося свободное суждение, не обнаруживает его мотивации в частных обстоятельствах, связанных только с его личностью [6, с. 170]. Может показаться, что красота является качеством самого предмета, а суждение вкуса логически из этого качества проистекает, в этом случае чувство прекрасного имело бы общеобязательный и необходимый характер. И. Кант усматривает ошибочность такого представления, поскольку чувство удовольствия или неудовольствия не фундируется познанием: не обязательно исследовать предмет, чтобы находить его красивым. Познавательное суждение постулирует закономерность, обязательность своего применения, оно может быть либо истинным, либо ошибочным, и если оно истинно, то каждый с необходимостью должен с ним согласиться. У суждения вкуса не может быть такой необходимости, оно не постулирует, но лишь стремится к согласию каждого, как в случае подчинения правилу, которое установлено не понятием (естественным законом), но соглашением между людьми [6, с. 182]. Общеобязательность суждения вкуса заключается в самой возможности выносить такое суждение, но не в результатах его применения. Каждый человек обладает способностью оценивать красоту окружающего мира и поэтому может ожидать согласия со своей оценкой от других людей, но это согласие не является необходимо закономерным. Каждое суждение вкуса единично и индивидуально, не существует объективного правила, которое заставляло бы всех людей признавать некий предмет красивым [6, с. 180]. В этом заключается особенность эстетического суждения как проявления рефлектирующей способности суждения – общеобязательно наличие самой способности выносить суждение, однако отдельное, уже вынесенное суждение вкуса строго единично.

Ввиду того, что суждение вкуса основывается на чувстве субъекта по отношению к предмету, не может быть выведен принцип, который давал бы всеобщий критерий прекрасного, критерий оценки красоты можно представить только в качестве индивидуально сформулированного образца, идеала красоты как воплощения идеи разума [6, с. 220–222]. Что фактически означает, что принцип применения эстетического суждения выводится из самой способности выносить суждение. Следствием чего оказывается допущение субъективного (в силу его укоренения в способностях субъекта) принципа, способного через чувства, но не через понятие, фундировать возможность оценивать красоту, претендуя при этом на общезначимость. И. Кант возводит такую универсальную предпосылку суждения вкуса к тому, что им обозначается общим чувством (следует отличать от здравого смысла – *sensus communis*) [6, с. 236]. Общее чувство в данном случае интерпретируется как свободное и неопределенное согласие между высшими познавательными способностями субъекта, делающее возможным совместную работу сущностно различных и самостоятельных функций воображения и рассудка. Общее эстетическое чувство, в отличие от логического и морального общих чувств, при которых рассудок и разум объективно законодательствуют над другими способностями, не законодательствует над объектами, а значит, не предполагает руководства воображения над рассудком или над разумом и, таким образом, представляет не объективное и необходимое согласие познавательных способностей, но их спонтанную и субъективную гармонию [5, с. 197–198]. В этом пункте вновь проявляется свойство способности суждения, которое И. Кант называет гевтономией [6, с. 115], то есть способность предписывать законы функционирования не внешним объектам, а только самой себе, что и позволяет вести речь о рефлексивности такого рода суждений. В этом смысле суждение вкуса основывается на априорном принципе, предполагающем возможность свободного согласия познавательных способностей, и не требует эмпирического доказательства своей применимости, чтобы претендовать на всеобщее значение. Находя предмет прекрасным, человек ожидает, что и другие согласятся с этой оценкой, уже в силу того, что сама эта оценка произведена свободно, а не под влиянием какого-либо индивидуального пристрастия. Основанием же такой свободы суждения вкуса предполагается априорное общее эстетическое чувство. Обратной стороной такого положения вещей оказывается столь же свободное расхождение во вкусах. Если человеку не нравится некий предмет или произведение искусства, которые воспринимаются прекрасными другими людьми, никакие логические доводы не способны заставить его искренне наслаждаться ими, поскольку оценка производится суждением вкуса, а не суждением рассудка или разума [6, с. 354], человек должен действительно почувствовать благорасположение к объекту, чтобы посчитать его прекрасным. Эстетическое суждение, хотя

и претендует на всеобщность, тем не менее, определяясь рефлексией субъекта об испытываемых им чувствах, всегда остается единичным и не может быть обобщено до выведения научного понятия.

Каждое конкретное суждение вкуса является реализацией фундаментальной способности суждения, для функционирования чего необходимо априорное согласование способностей воображения, которое определяет созерцание и синтез его многообразия и работает свободно, и рассудка, который формирует понятие представления о единстве этого многообразия и работает законосообразно. Данное согласование именно априорное согласование способностей, а не практическое взаимодействие воображения и рассудка в каждом конкретном применении, в связи с чем не осуществляется подведения выносимого суждения под общее понятие. Способность суждения в своей субъективной форме суждения вкуса предполагает наличие (причем наличие в самой способности суждения) принципа подведения, но не созерцания под понятие, а способности созерцания или изображения под способность выводить понятия [6, с. 361]. Таким образом обосновывается принципиальная основа функционирования рефлектирующей способности суждения, каждое самостоятельное применение которой покоится на фундаменте трансцендентальной гармонии между способностями познания. Это априорное основание способности выносить суждение не проявляется в определяющем суждении, поскольку для него есть внешний необходимый принцип, и применение такого суждения оказывается догматическим, можно сказать, схематическим. Тем не менее для любого суждения необходимо согласие между различными высшими познавательными способностями. Определяющее суждение функционирует, если согласие познавательных способностей осуществляется в соответствии с одной главенствующей, т.е. законодательствующей, в данном конкретном случае способностью: теоретическое суждение выражает согласие способностей, задающее объект в соответствии с законодательствующим рассудком, практическое суждение – в соответствии с законодательствующим разумом [5, с. 208]. Рефлектирующее суждение, будь-то суждение по аналогии или эстетическое суждение, предполагает не законосообразное, но свободное и неопределенное взаимодействие познавательных способностей, в связи с чем и проявляется трансцендентальный характер способности суждения. Рефлексия оказывается возможной именно постольку, поскольку сама способность выносить суждение принадлежит когнитивному аппарату сознания. Каждое отдельное суждение, будь то суждение по аналогии или суждение вкуса, в этом отношении может быть индивидуальным и не обобщаемым, но фундаментальная способность суждения, принадлежащая каждому субъекту, выступает общим залогом функционирования познания и, как следствие, общения и взаимопонимания между людьми.

Историческое понятие и соотнесение с ценностью в эпистемологии Г. Риккерта

Концепция рефлектирующей способности суждения И. Канта фактически обосновывает возможность постижения (в том числе понятийного в случае телеологического суждения) единичных, не подверженных операции обобщения явлений. И хотя эта концепция не оказала влияния на кантианский спекулятивно-философский метод понимания процесса общественного развития, именно аналитика рефлектирующего суждения дала возможность представителям Баденской школы сформулировать эпистемологическую доктрину, утвердившую исторический способ образования понятий в качестве универсальной методики научного познания сингулярных явлений с точки зрения их своеобразия и индивидуальности. Разделение определяющей и рефлектирующей способностей суждения, в этом отношении, может быть соотнесено с выделением генерализирующего (номотетического), т. е. обобщающего, и индивидуализирующего (идеографического), т. е. конкретизирующего, методов образования понятий [12, с. 140]. При этом оба метода образования понятий эмпирического исследования действительности, продолжая общечеловеческий донаучный уровень структурирования материала чувственного восприятия, требуют априорного принципа, обосновывающего релевантность их применения, в чем проявляется приверженность представителей юго-западного неокантианства трансцендентальной философской традиции. Для естественнонаучного познания такой надэмпирической предпосылкой достоверности получаемых результатов являются всеобщие законы природы [14, с. 42], для исторических дисциплин в этом качестве выступают ценности.

Последнее умозаключение, тем не менее, не означает, что естествознание совершенно не затронуто ценностями, В. Виндельбанд особо подчеркивает, что любое действительно научное утверждение апеллирует к ценности истины и в связи с этим требует оценивания своего результата по критерию соответствия или противоречия ей [4, с. 42]. Однако такого рода оценка, оставаясь универсальным ориентиром достоверности, не определяет саму структуру и методику применения законосообразного естественнонаучного способа исследования, общий принцип применения которого, так же, как и у определяющего суждения И. Канта, оказывается за пределами работы этого понятия. Понимание данного факта позволяет ввести разделение утверждений на суждения, в которых осуществляется познание предмета, и оценки, в которых выражается отношение к предмету [4, с. 41]. Даже если грамматическая форма таких пропозиций совпадает, оценивающие высказывания имеют принципиально иную направленность, ничего не прибавляя к пониманию, но выражая симпатию или антипатию к объекту, который либо уже известен, либо остается неизвестным. Процедура оценивания, таким образом, представляется независимой операцией, выходящей за

пределы задач эмпирических наук (в том числе и истории). Ценности, в этом смысле, оказываются самостоятельной областью, исследование которой, как по мнению В. Виндельбанда [4, с. 43], так и по мнению Г. Риккерта [9, с. 26], составляет особый предмет познания философии. С точки зрения Г. Риккерта, ценности не принадлежат действительности, но формируют особое царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта (две составляющие действительности) [9, с. 23–24]. Ценности находят свое воплощение в действительности в виде благ, т. е. объектов, которые оцениваются полезными, собственно, ценными, а также в форме выносимых субъектами оценок [13, с. 157]. Специфической задачей философии, при этом, видится путем истолкования смысла осуществить объединение двух противолежащих царств: подлежащей эмпирическому изучению действительности и сферы трансцендентальных ценностей. Так формируется целостная система эпистемологии Г. Риккерта, в соответствии с которой разделенный на субъекты и объекты мир действительности и отделенный от нее мир надэмпирических ценностей (которые не существуют, но значат [8, с. 55]) объединяются промежуточной сферой смысла. Философии как дисциплине, способной осуществлять операцию проникновения в царство смысла – истолкование (*Deuten*, отличаемое от объективного объяснения (*Erklären*) и субъективного понимания (*Verstehen*) действительности [9, с. 35]), в этой системе отводится особая роль. Именно философия, опираясь в первую очередь на историческое исследование культурных феноменов, которые всегда являются благами, осуществляет аксиологическую критику и одновременно с этим завершает выстроенную Г. Риккертом иерархию логических, эстетических и мистических ценностей [10, с. 391].

Ценности, обладая трансцендентальным характером, не могут быть продуктом деятельности индивидуального сознания. Каждый человек застает их в уже фактически заданном, заранее сложившемся виде, воспитываясь в рамках культуры определенного общества. Для субъекта ценности оказываются объективной составляющей мироздания, без которой было бы невозможно формирование индивидуального мировоззрения. Такого рода наиндивидуальность и общезначимость, тем не менее не означает абсолютную неизменность, вечную консервацию ценностных догм. Поскольку люди знакомятся с ними в уже сложившемся виде, может сформироваться впечатление, что ценности предзаданы миру божественным высшим разумом. Однако ценности каждого общества складываются исторически, развиваются и неизбежно меняются, в том числе и под влиянием отдельных личностей, равно как и отличаются от ценностей других культур. Под общезначимостью представители баденского неокантианства скорее понимают само наличие ценностей, а не их конкретные проявления. Невозможно сформулировать универсальный этический идеал, равно подходящий для всех народов [13, с. 158]. Каждое общество, каждый индивид неизбежно

придерживаются некой ценностной ориентации, но что именно воспринимается ими ценным и каким образом оцениваются явления окружающего мира, в каждом конкретном случае определяется индивидуально. Так, В. Виндельбанд выделяет три общие для всех ценности: истину для мышления, добро для воления и поступков, красоту для чувствования [2, с. 225], но эта общность не понимается как единообразие оценок. Каким способом воплощаются ценности истины или добра и что именно воспринимается красивым, не предписано с необходимостью, универсальна только сама процедура оценивания. Общим является долженствование, необходимость вынесения оценки, а каждое конкретное эмпирическое применение ее оказывается строго индивидуальным. Такое видение можно соотнести с кантианским подходом к суждению вкуса, в случае которого всеобщей является сама способность выносить суждение, но не уже вынесенная на основе всегда единичного и глубоко лично переживаемого чувства удовольствия или неудовольствия оценка. Выстроенная таким способом теория ценностей закладывает фундамент концепции исторического познания Баденской школы.

Г. Риккерт продолжает заложенную В. Виндельбандом традицию, относя историю, наряду с естествознанием, к эмпирическим наукам, общим предметом исследования для которых является действительность. При этом представители баденского неокантианства рассматривают историю не в узком смысле, как дисциплину, призванную изучать прошлое, но скорее как отличный от естественнонаучного, самостоятельный метод познания, направленный на исследование сингулярных явлений. Если естествознание, используя генерализирующий метод, стремится путем экспериментов открыть законы, применимые ко всей физической реальности, то гуманитарное познание, используя индивидуализирующий метод, фокусируется на уникальности объектов реальности [16, с. 6]. Причем эти методы не воспринимаются как исключаящие или противоречащие друг другу. Более того, отдельно подчеркивается, что в чистом виде их применение встречается редко, но и генерализирующие, и индивидуализирующие науки предполагают сочетание обоих способов познания при доминировании того метода, который соответствует цели исследования. Сами же объекты действительности не делятся на группы по применимому методу изучения, предмет познания в зависимости от исследовательского интереса подлежит как обобщающему, так и конкретизирующему способу образования понятий [18, с. 22]. Поскольку же неперемными условиями научного познания рассматриваются объективность и понятийная форма представления, важнейшей задачей эпистемологической доктрины юго-западного неокантианства оказывается обоснование возможности объективного понятийного схватывания единичных феноменов, не подлежащих операции обобщения. Для этого Г. Риккерт предлагает, во-первых, универсальный принцип, соотнесение с которым утверждает

объективность исторического познания, а во-вторых, строгий метод, позволяющий осуществить такое соотнесение. В качестве трансцендентального принципа, гарантирующего научный характер исторического познания, выступают ценности. Ценности отмечают те явления действительности, которые представляют интерес для человека. Фактически заинтересованность людей в объекте или событии выражается в оценке их по шкале той или иной ценности. Таким образом, ценности отделяют то, что называется культурой (сфера окружающего мира, затронутая человеческой деятельностью), от природы. Само понятие природы имеет смысл в том случае, если оно обозначает реальность, независимую от человека. Для философов Баденской школы это разделение приобретает строгий характер благодаря выделению ценностей как критерия культурной значимости [18, с. 20–21]. В этой связи история предстает наукой о культуре, изучая только те явления, которые затронуты человеческой деятельностью, а следовательно, отмечены интересом человека.

В соответствии с баденской философией ценности не принадлежат действительному миру и, следовательно, не могут быть исследованы эмпирически, они наиндивидуальны, составляя как бы трансцендентальный мир значимых ориентиров. Применительно к истории ценности выступают таким же априорным основанием объективности, как и законы природы для естествознания. Однако работают они принципиально иначе. Законы природы не зависят от представлений человека или духовного мира какого-либо общества, в то время как ценности различных народов заметно отличаются. Поэтому история не может достичь той степени объективности, которая характерна для естествознания. Сам взгляд на историю, равно как и события или сюжеты, которые попадают в исторические исследования, напрямую зависит от разделяемых автором и его обществом ценностей [8, с. 123]. Следствием чего оказывается невозможность целостной всеобщей истории человечества. Такая история в любом случае была бы написана с позиции некой партикулярной точки зрения о наиболее важных событиях, достойных быть описанными, равно как и значимость этих событий и всего хода исторического становления определялась бы в соответствии с той ценностной ориентацией, которой придерживается историк [8, с. 124]. Вместе с тем, обладающие наиндивидуальным значением, ценности наделяют историю смыслом. Путь развития человечества в этом отношении может быть рассмотрен как процесс становления ценностей [14, с. 54]. Постигание отдельных событий прошлого требует понимания значения действий их участников, которое зависит от понимания разделяемых ими ценностей, равно как и само отношение исследователя к этим событиям может быть различным в зависимости от его взглядов. А поскольку изучение ценностей относится к предмету философии, закономерен вывод о том, что историку для работы необходима философская подготовка [8,

с. 126]. Исследование прошлого неотделимо от философской рефлексии в отношении как непосредственно исторической проблематики, так и восприятия историком предмета своей деятельности.

Ценности выступают в качестве гарантии познаваемости, осмысленности и, одновременно, объективности исторического исследования. При этом отдельная проблема заключается в вопросе, как эта гарантия может быть реализована, каким образом ценности могут фундировать исторический способ образования понятий. Для решения подобной задачи оказывается неприемлема процедура оценивания, так как она является субъективной и не может лечь в основу научной методики. Поскольку же сами ценности остаются надэмпирическими и априорно объективными, полагается возможной другая процедура – соотнесение с ценностью, выступающая залогом научности исторического метода познания. Различение оценки и соотнесения с ценностью вновь вызывает аналогию с кантианским разделением априорной способности суждения и эмпирически данной ее реализации в каждом конкретном суждении. Оценка представляется Г. Риккертом в качестве практической деятельности, в то время как отнесение к ценности остается теоретической операцией [11, с. 158]. В этом смысле в задачи историка не входит обязанность оценивать события, т. е. выносить суждение об их положительном или отрицательном значении (что, безусловно, может осуществляться, но не определяет сущность исторического познания [8, с. 95]). Однако попасть в историческое сочинение могут исключительно те факты, явления, процессы, которые соотносятся с какими-либо ценностями, только то, что обществом, будь-то общество прошлого или современное историку, оценивается как значимое, представляет исторический интерес. Ценности маркируют, причем объективно, независимо от мнения исследователя, культурно окрашенные феномены. Соотнесение с ценностью выступает именно как критерий отбора из экстенсивной бесконечности многообразия объектов действительности только тех, которые представляют исторический интерес, что подразумевает культурную значимость для процесса общественного становления [17, с. 275]. Далеко не каждый индивидуальный объект представляет интерес с точки зрения истории, но, чтобы осуществить отбор значимого, историку необходим объективный принцип, в роли которого выступают ценности. При этом в зависимости от того, какая культурная ценность избрана исследователем в качестве руководящей, одни и те же явления могут рассматриваться как релевантные или нерелевантные (первостепенные и второстепенные исторические индивидуумы [17, с. 424–425]). Так, если историк интересуется становлением государства, то именно государство будет для него руководящей ценностью, в соответствии с чем он будет проводить отбор материала: его в первую очередь будут интересовать политические деятели, правители, официальные акты и т. д., но не, допустим, портные, которые одевали правителей. Если же исследователь

пишет историю моды, то в этом случае первостепенный интерес будут представлять именно портные и созданные ими костюмы, а не персоны, которых они одевали, пусть даже это будут самые влиятельные люди своего времени. Г. Риккерт подчеркивает, что установление фактов, вне зависимости являются ли они природными или культурными, само по себе еще не есть подлинно научное исследование, но только основа для научного исследования [8, с. 120–121]. Установленные факты, в зависимости от целей, могут быть изучены как генерализирующим, так и индивидуализирующим способом. Соотнесение с ценностями в данном случае позволяет выделить те факты, которые вызывают индивидуальный интерес, т. е. отобрать объекты или процессы, представляющиеся важными с точки зрения их уникальности и требующие индивидуализирующего рассмотрения при помощи исторического способа образования понятий. Тем самым постулируется объективная процедура идентификации значимых явлений для индивидуализирующего понятийного познания.

Следует отметить, что понятие всегда предполагает обобщение. В том числе и ценности представляют собой общие понятия, однако это не означает, что соотнесение с ценностью является подведением под общее понятие, т. е. генерализацией [11, с. 159]. Применение исторического метода образования понятий, с точки зрения Г. Риккерта, должно путем применения общих понятий конкретизировать некое явление культуры. История представляется единичным процессом, чередой конкретных, локализованных пространственно и временно событий, которые не могут быть обобщены. В данном случае требуется применение рефлектирующего суждения, позволяющего определять общее по единичному, т. е. понятийно схватить единичное без необходимого и закономерного подведения под всеобщее положение. В этой связи Г. Риккерт отдельно отмечает, что исторический закон есть противоречивое понятие, поскольку не может быть закона, описывающего единичный процесс [17, с. 370–371]. Формулирование исторических законов уничтожило бы именно то, что интересует с исторической точки зрения, – уникальную индивидуальность и неповторимость рассматриваемых явлений, поскольку естественнонаучный способ образования понятий предполагает генерализацию, отвлечение от индивидуальных характеристик для подведения под общее понятие, выраженное законом природы. Подведение под закон возможно, если объекты рассматриваются в качестве единичных экземпляров единого для них рода, общее понятие в данном случае оказывается родовым понятием, которое охватывает сингулярные экземпляры. Исторические явления в противоположность этому соотносятся с общими понятиями скорее как части с целостностью, т. е. входят в состав более крупной индивидуальности в качестве составляющих ее индивидуальных элементов. На основании чего формулируется вывод, согласно которому содержание естествен-

нонаучного понятия необходимо должно быть беднее содержания единичного факта (и чем более высокая степень обобщения, тем более формальным и бедным является понятие), в то время как историческое понятие, включая в себя в качестве составных частей отдельные факты, становится только богаче, более содержательным [11, с. 148]. Историческое понятие «Возрождение», например, включает в себя широчайший спектр явлений и фактов, понимание которых необходимо для определения значения этого термина. Даже если в историческом исследовании используются генерализирующие обобщения (что, безусловно, возможно), применяются они исключительно для характеристики индивидуальных и неповторимых явлений, вплоть до того, что в конечном счете само понятие истории подразумевает совершенно конкретный, однократно происходящий процесс общественного становления.

В сфере исторического познания невозможно использовать естественнонаучный способ объяснения – объяснять единичные явления через законы, определяющие их функции или свойства и предсказывающие тем самым их состояние в будущем. Единственным методом сделать понятным процесс смены уникальных и неповторимых событий оказывается установление между ними причинно-следственных связей. Исторический способ образования понятий представляет собой телеологический способ образования понятий [17, с. 336–337]. Принципиально важно при этом помнить, что историческое понятие не способно отразить действительность во всей ее полноте и сложности. Историческое понятие, точно так же как и естественнонаучное, является результатом преобразующего упрощения, хотя и не в направлении генерализации, воспринимаемого материала. Это фактически означает, что каузальные связи между рассматриваемыми историком событиями не воспроизводят реально существующие взаимозависимости. Сами факты прошлого должны быть реконструированы на основе источников, они не могут быть наблюдаемы непосредственно [17, с. 288–289]. Установление отдельных событий прошлого требует исследования сохранившегося материала, а значит, является результатом определенного понимания историком изучаемых источников. В соответствии с чем и каузальные связи между событиями тоже носят конструктивный характер. Телеология истории обнаруживается не в эмпирическом материале исследования, но в методологии работы с этим материалом [15, с. 701]. Историк подходит к изучению событий прошлого, используя рефлексивный принцип «как если бы» между ними существовали причинно-следственные связи, т. е. заранее, еще до изучения фактического материала, предполагая такие связи. Трансцендентальный принцип кантовской рефлектирующей способности суждения, позволяющий формально допускать целесообразность в тех случаях, когда она не может быть возведена к всеобщему закону, таким образом, применяется к историческому познанию. Основанием же для введения подобной целесообраз-

ности представляется риккертовская система априорных культурных ценностей, соотнесение с которыми позволяет предположить возможную цель отбора из хаотичного материала многочисленных источников той информации, которая представляется релевантной для данного конкретного исследования и тем самым допускает интерпретацию значения событий прошлого.

Теория исторического познания Г. Риккерта выстраивается на платформе трансцендентальной философии И. Канта. Развивая идею рефлектирующей способности суждения как инструмента познания единичного, представитель юго-западного неокантианства утверждает историю в качестве эмпирической науки, которая исследует уникальные и неповторяющиеся культурные процессы. Универсальным надэмпирическим принципом, допускающим возможность такого познания, предполагается объективная теоретическая процедура соотнесения с ценностями, выделяющая из всего многообразия объектов действительности нагруженные культурным значением феномены, представляющие интерес именно с точки зрения их уникальных индивидуальных черт. При помощи общих понятий в историческом исследовании конкретизируются особенности сингулярных явлений, объяснение которых оказывается возможно благодаря установлению каузальных связей посредством телеологической целесообразности рефлектирующего суждения. Такого рода аксиологический подход к изучению общественного становления закладывает основу новаторского для начала XX в. видения исторического познания как научного постижения процессов, не объяснимых законами природы, что в дальнейшем приведет к формулированию важнейшего для философии истории концепта исторического опыта, в рамках которого получает выражение многообразие специфических способов восприятия человеком прошлого.

Список литературы

1. Асмус В.Ф. Иммануил Кант. М.: Наука. 1973. 539 с.
2. Виндельбанд В. Критический или генетический метод? // Вильгельм Виндельбанд. Избранное: Дух и истории. М.: Юрист. 1995. С. 209–231.
3. Виндельбанд В. От Канта до Ницше: История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. 496 с.
4. Виндельбанд В. Что такое философия?: (О понятии и истории философии) // Вильгельм Виндельбанд. Избранное: Дух и истории. М.: Юрист, 1995. С. 22–57.
5. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕР СЕ, 2001. 480 с.
6. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения на немецком и русском языках. М.: Наука, 2001. Т. IV. 1120 с.

7. Ойлер В. Функция и значение «Критики способности суждения» в кантовской системе философии // Иммануил Кант: наследие и проект. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2007. С. 271–281.
8. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 44–128.
9. Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 15–42.
10. Риккерт Г. О системе ценностей // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 365–391.
11. Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 130–204.
12. Семенов В.Е. Трансцендентальные основы понимания (И. Кант и неокантианство). Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2008. 228 с.
13. Iggers G. The German Conception of History. The National Tradition of Historical Thought from Herder to Present. Middletown (Connecticut): Wesleyan University Press, 1983. 405 p.
14. Krijnen C.H. Geschichtsphilosophie bei Kant, im Neokantianismus und im gegenwärtigen Kantianismus // Krijnen C.H., Launay de M. Der Begriff der Geschichte im Marburger und Südwestdeutschen Neokantianismus. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2013. S. 29–57.
15. Kupriyanov V. Teleology as a Method of Historical Cognition in Rickert's Philosophy // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts SGEM 2015. Albena (Bulgaria), 2015. B. 3, V. 1. P. 697–702.
16. Paul H. Key Issues in Historical Theory. N.-Y.: Routledge, 2015. 176 p.
17. Rickert H. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr, 1913. 644 s.
18. Rickert H. Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft. Leipzig; Tübingen: J.C.B. Mohr, 1899. 84 s.

THE HERITAGE OF I. KANT AND H. RICKERT'S AXIOLOGICAL EPISTEMOLOGY OF HISTORY

A.A. Avanesyan

Tver State University, Tver

The article is devoted to the study of the concept of relation to value as the basis of historical knowledge developed by H. Rickert. The connecting threads that unite the Kantian theory of the reflective ability of judgment and Rickert's historical method of concept formation are traced in detail. On this basis, the possibility of scientific comprehension of singular facts that are not subject to generalization is revealed. The study of the procedure of establishing relation to values, postulated as a criterion for selecting historically relevant material, makes it possible to clarify the origins of the formation of the category of historical experience within the framework of neo-Kantian phi-

osophy focused on the special type of understanding aimed at comprehending individual and unique cultural phenomena.

Keywords: *historical experience, reflective judgment, neo-Kantianism, values, relation to values.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артём Александрович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела ИОФЭД ЦИО ФСИН России, г. Тверь. E-mail: timmyy@ro.ru

Author information:

AVANESYAN Artem Alexandrovich – PhD, leading research fellow of Dept. of ISFEA of CIS of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tver. E-mail: timmyy@ro.ru